Вече

Независимый русский альманах

13

Четвертый год издания

Редактируют: Евгений Вагин и Олег Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:
Российское Национальное Объединение в ФРГ, 1984

München

СОДЕРЖАНИЕ

В. Крутов, Л. Верес и др.

«Отцы основоположники» коммунистического рабства

Групповой портрет

Образ легендарного ,,бревноносца" революции настолько широко всем известен, что, кажется, прибавить что-либо новое просто невозможно. Мы и не собирались поступать таким образом. Мы не искали ,,нового" Ленина в архивах. Здесь, как и в случае с двумя первыми членами марксистской тройки, авторы ограничились подборкой и изложением проверенных и не вызывающих сомнения фактов с некоторыми собственными комментариями и примечаниями.

Третий ,,вождь" мирового пролетариата, потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился 22 апреля 1870 года в городе Симбирске, за что город позднее был переименован в Ульяновск, разделив судьбу Вятки, Нижнего Новгорода, Твери и многих других своих собратьев по несчастью. Отец будущего ,,вождя" Илья Николаевич Ульянов был крупным чиновником, действительным статским советником и занимал пост инспектора народных училищ Симбирской губернии. Мать, Мария Александровна Бланк, была дочерью врача.

Детство Володи было таким же счастливым и радостным, как и у других состоятельных пролетарских вождей. Семья жила в огромном доме, денег хватало на все детские забавы и поэтому Володя ,,не столько играл игрушками, сколько ломал их", (,,Воспоминания о В. И. Ленине", 1968, т. 1, стр. 21.). В гимназии Володя учился прилежно. С другими ,,вождями" его роднит страсть к древним языкам и литературе.

* Окончание. Начало см. ,,Вече" №№ 11 и 12.

Подобно Марксу, юный Ульянов в гимназические годы страдал ,,излишней замкнутостью" и ,,нелюдимостью". Сведения эти почерпнуты нами из гимназической характеристики Владимира Ульянова, подписанной Ф. Керенским, директором гимназии, в которой учился будущий Ленин. Сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова подтверждает характеристику Ф. Керенского, уверяя, что ,,больших приятелей у него (т. е. у Ленина — примечание наше) в гимназические годы не было..." (,,Воспоминания о Ленине". 1968, т. 1, с. 26).

Во всех официально-партийных биографиях Ленина неизменно приводится пример его занятий с чувашином Охотниковым. Но одна маленькая деталь заставляет нас по-иному воспринимать сей просветительский жест будущего диктатора. Ульяновы отмечают бездарность и малоспособность обучаемого чувашина. Отсюда не исключена возможность занятий с чувашином в целях самоутверждения и укрепления своей веры в интеллектуальное превосходство над окружающими.

Глубинный эгоизм, сдобренный верой в свою исключительность, делал юного Ульянова весьма язвительной личностью. Та же сестра Аня в простоте своей сообщает о том, что ее ,,...брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями" (,,Воспоминания о В. И. Ленине". 1968, т. 1, стр. 26). Здесь наш герой сродни старшим коммунистическим первоапостолам. Вспомните, например, ,,насквозь проперченное сердце" позера Энгельса и неизменную привычку его старшего друга Маркса давать всем подряд, даже случайным прохожим, разного рода клички. Этим грязным делом никогда не займется ни один благородный человек с добрым сердцем. Привычку давать клички или насмехаться иными способами следует признать привычкой ,,вождей" к неуважению всех людей, кроме родственно близких.

Обойдя стороной идиллии счастливого Володиного детства и гимназической юности, перейдем к тому, с чего начал будущий „вождь" свою сознательную жизнь. А начал он ее с барства, хотя помещиком он был никудышным, ленивым и бесхозяйственным. Когда Володенька подрос, мамаша решила прикупить к старому имению еще одно, специально для любимого сына. Таким образом к Кокушкину прибавилось Алакаевское имение. Новое семейное приобретение было сделано за счет старшего брата отца Ленина, владевшего пошивочной фабрикой в Астрахани. В первый год своего барствования Ленин проявил признаки некоторой активности: приказал завести породистый скот, посеять пшеницу и подсолнух. Но вскоре ему все надоело и он зажил беспечной жизнью провинциального барина, пустив дела на самотек. Обеспокоенной маме пришлось избавить сыночка от забот и нанять управляющего, коим оказался некий Крушвиц.

Ленинские крестьяне жили так „счастливо", что слухи об их жизни дошли до журнальной прессы. В частности, об отношении Ленина к „его" крестьянам можно судить по материалам „Исторического Журнала", книга 4, где помещена интересная статья профессора Волина. Крушвиц отгородил „вождя" от „простолюдинов", очистив его марксистскую совесть возможностью получать деньги не лично от крестьян со всеми их вечными нуждами, бедами и просьбами, а через своего управляющего. Следует учесть — имение попало в ручки „вождя" уже после его ознакомления с марксизмом. И Ленин открыто демонстрирует нам свое эгосоциальное лицемерие. Он не эксплуататор, он только деньги берет. Вполне марксистская позиция.

Разница, конечно, есть. Выражается она в объекте эксплуатации. Помещик Ульянов не мог эксплуатировать рабочих, потому что был помещиком. До рабочих он потом доберется, а пока довольствовался плодами трудов „своих" крестьян. По молодости аппетит к власти развиться не успел, хотя первые признаки „вождизма" уже

проклюнулись. Из Алакаевки Ильич решил осчастливить мир своим первым „историческим" трудом-статьей „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни".

Первый труд „вождя" редакция „Русской Мысли" отвергла, усмотрев в статье всего-навсего плохой пересказ известной книги В. Е. Постникова „Южнорусское крестьянское хозяйство" (Москва, 1891 год). Уличение в открытом плагиате не образумило Ленина и позднее он вовсю „передирал" с того же Постникова целые куски в свое „Развитие капитализма в России". Но, как всем известно, марксистская совесть позволяет куда более худшие проступки. В сравнении с грядущим, эпизод с первым писательским грешком можно было бы и опустить, если бы грешок этот не был первым в ленинской публицистике. Всегда интересно знать начало того конца, к которому пришлось подойти вплотную.

Официальная лживая ленинская биография, написанная придворными деятелями ЦК КПСС для народа содержит ряд мотивов, общих с такой же официальной биографией Маркса. Мотив непреходящей нищеты Ленина звучит хотя и ненавязчиво, но уверенно и постоянно. Он беден, отказывает себе во всех удовольствиях... Ложь. Чтобы не быть голословными, обратимся к исторически достоверным фактам, а факты, как говаривал сам „вождь", — вещь упрямая. Кто-кто, а Ленин знал, с какой силой противятся они любой неправде. Факты таковы: осиротелый барчук разъезжает по всей Европе и лечит свои ранние желудочные недуги у очень дорогого швейцарского врача. Потеряв кормильца, семья Ульяновых „бедствует", живя на одну маменькину пенсию. По советским масштабам, это не жизнь, а тихий путь на кладбище. Но не забывайте об особенности марксистской нищеты. Несчастненькие то и дело навещают заграничные курорты и на свои нищенские нужды тратят в месяц по годовому заработку любезного пролетария.

В „трудолюбивой" семье Ульяновых все ее отпрыски начинают работать ненормально поздно, да и то не регулярно. И Ленин и его братец Дима впервые пошли на

службу в возрасте 28 лет, но вскоре оба работу бросили. Дима временно, а Володя надолго, пока не воссел на воровской трон деспота всея Руси и так далее. Многие дети рабочих к 28 годам имели уже по пятнадцать лет фабрично-каторжного стажа, а их будущий „вождь" мирно почитывал книжечки в тени липовых аллей своего имения или услаждал взор видами Швейцарских Альп.

Простодушные люди иногда приходят в телячий восторг, восклицая: „Ах, какой Ленин умный! Сколько прочитал, сколько написал!" Хотелось бы знать, сколько прочел бы и написал „вождь", вкалывая шесть дней в неделю по десять часов на каком-нибудь жестяном заводе. Неизвестно, сколько гениев литературы, искусства, науки и политики выдвинули бы из своей среды рабочие и крестьяне, имей каждый из них такие же возможности к получению образования, столько же свободного времени и такую же марксистскую „нищету", как у товарища Ленина. Что попусту говорить! Когда еле тащишь с работы ноги, когда физическая усталость требует одного — еды и сна, — много не попишешь, не почитаешь. А завтра шарманка заводится сначала. Один путь у рабочего — к проходной. Не в Бретань или Швейцарию. На завод и обратно. Вот маятник жизни трудящегося.

У трутней жизнь иная, даже в тюрьме. Ленин просидел в тюрьме 14 месяцев, после чего отбыл три года ссылки. Но какая это была тюрьма, какая ссылка!

Сестра „вождя" Анна Ильинична вспоминает: „К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно... даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготовляла и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской „санатории"..." („Воспоминания о В. И. Ленине". 1968, т. 1, стр. 53). Ухаживать за пострадавшим Володенькой съехалась вся его тунеядствующая семейка. Из аптеки ежедневно доставлялась швейцарская минеральная вода, из Императорской Академии Наук, университета и крупнейших библиотек Петербурга, Москвы и даже зарубежья в изобилии девятым валом валили какие угодно книги.

Благодаря неустанным заботам, у „несчастного" узника порою возникали серьезные продовольственные проблемы. 12 января 1896 года Ленин пишет очередное скорбное послание сестре Анне. „Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открывать торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеб я ем очень мало, стараюсь соблюдать диету, а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю..." (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, стр. 17).

Ильич не пользовался общим тюремным бельем. У него было свое, причем в изобилии и через день он просит в письме к сестре белья больше не высылать. Зубы лечить приходил в тюрьму домашний врач „вождя", который мог приходить к Ильичу в любое время дня. Гардероб узника был так велик, что часть одежды пришлось вернуть сестре и матери во время их очередного посещения. Не знал Ильич арестантской одежды. Щеголял в изящной „троечке", распивал чаи и спокойно занимался своими экономическими исследованиями. Весь день свободен, никаких принудительных работ. Писательство Ильича тюремным начальством поощрялось. Цензура была так слаба, что „вождю" никогда не приходилось прибегать к изощрениям и тайнописи при переписке, а книгу вообще никто не проверял, что хотел, то и писал. Количество отсылаемых и получаемых писем не ограничивалось. Сидя в своем „санатории", Ленин переписывался с кем угодно. Разрешалась и заграничная переписка.

Дважды в неделю свидания с родными, трижды — передачи.

Ленинский „каземат" был светел, чист, сух и просторен. По гигиеническим нормам РСФСР в таком „каземате" без ущерба для здоровья могли бы проживать три российских пролетария. Правда, русскому рабочему по советскому закону для здоровья достаточно много меньше жилой площади, чем, скажем, украинцу или узбеку, но даже по украинской гигиенической норме Ленин имел явный избыток жилплощади. Одним словом, Ильичу жилось в тюрьме неплохо. Совлюди сейчас и на „воле" так не живут. „Вождь" покинул свой „каземат" окрепшим физически, полным сил и энергии. Впереди было увлекательное путешествие в Сибирь, где ему полагалось отбыть три года ссылки.

Заботливая мама выхлопотала для сыночка ряд существенных привилегий. Сначала Володенька три дня отдыхал в Петербурге, затем три дня гулял по Москве и только после этого отбыл, наконец, в ссылку. Мамаша замолвила за сыночка угодливое словечко и Володеньке разрешено было ехать в Сибирь за свой счет, свободно, первым классом, с комфортом, остановками в разных городах и, разумеется, без конвоя. До Тулы „вождя" сопровождала мама и другие родственники. Дальше Володя ехал сам.

Мама позаботилась о сыночке и в другом отношении. Узнав, что Шушенское и окрестности являются лучшим по климату местом в Восточной Сибири, она упросила направить Володеньку именно туда. Следовательно, место ленинской ссылки было определенно не царскими „сатрапами", а любезной матушкой нашего „героя".

Все ли ссыльные пользовались такими льготами? Нет. Исключение было сделано только для потомственного дворянина Владимира Ульянова. У него и денег куры не клевали, мог тратить без оглядки. У других денег не было, особенно у товарищей пролетариев. Всех ленинских друзей отправили в Сибирь по этапу, под конвоем, в зарешеченных вагонах. Во время остановок для пересадки

их аккуратненько заковывали в кандалы и вели с вокзала в местную тюрьму. Никаких экскурсий и губернаторско-купеческих банкетов у них не было. Первые жертвы марксистско-ленинского обмана не питались в ресторанах, а ели казенную тюремную баланду. Большинство из них было распределено туда, куда Макар телят не гонял, в места самые гибельные и необитаемые.

Почему „вождь" из чувства солидарности не разделил участи своих „низовых" товарищей? С нашей точки зрения, произошло это по причине врожденной трусости, эгоизма и шкурного лицемерия господина Ленина. Мамаша услышала где-то слова одного старого ссыльного: „Ссылку мог бы повторить, этап — никогда". Мамочкины слова насмерть перепугали пламенного революционера. Мама же заявила, что если он поедет этапом, то сильно ее огорчит. „Вождя" долго уговаривать не пришлось и он твердо решил ехать первым классом. В свое оправдание Ильич придумал довольно-таки циничный довод. Он, видите ли, увильнул от этапа, бросив своих верных друзей потому, что ему чуждо рыцарское позерство и он решил сохранить силы для будущей борьбы. Помните товарища Куно, прикрывшего свою трусость ссылкой на дуэль, как пережиток феодализма? А Маркс, по той же причине сбежавший из дому? Трусы и подлецы своим низменным поступком стараются всегда находить самые „высокоидейные" оправдания.

Силы свои Владимир Ильич сохранил прекрасно. „Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомился дорогой несравненно меньше, чем ожидал. Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлен. Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до С.-Петербурга и то измают" (В. И. Ленин. ПСС. т. 55, стр. 22—23). О своих же товарищах, месяцем позже, прибывших по этапу, „вождь" говорит, что они „бледны, желты, утомлены страшно" (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, стр. 30). Об их состоянии Ленин пишет со слов очевидцев. Вот когда внутренне порадовался „вождь". Пока его товарищи задыхались в тю-

ремных вагонах, Ильич приятно бездельничал в Красноярске, навещая библиотеку купца Юдина. О том периоде своей жизни „вождь“ сообщает своей мамочке следующее: „Про себя ничего нового написать не могу: живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку за город, шляюсь по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, — одним словом, все как быть следует“ (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, стр. 28).

Место ссылки Ильича сибиряки за здоровый и мягкий климат нарекли „Сибирской Италией“. Такое обстоятельство радует „вождя“, но, в то же время, ему как бы немножко совестно. Излишество привилегий может повлиять на его вождистский авторитет. Надо предпринять какой-нибудь маневр для обеления себя в глазах покинутых друзей. Ильич делает вид, будто желает выпросить в „Сибирскую Италию“ еще кого-нибудь. Вялая просьба „вождя“ о переводе поближе к нему двух его друзей была сделана, скорее всего, для отвода глаз. Не думала хлопотать за Володиных друзей и чадолюбивая матушка. Впоследствии обнаружится, что Ильич вовсе не сожалел о неудаче своей братской помощи товарищам и не горел желанием видеть их во что бы то ни стало. Когда в ответ на его просьбу „вождю“ предложили самому переехать поближе к своим друзьям, он категорически отказался. Зачем? „Вождь“ жил в Шушенском с женой и тещей, ему было неплохо. Свидетелей его роскошных псевдомук не было, а на глазах друзей нужно было вести себя иначе — прибедняться, чтобы никто денег не просил, юлить, лицемерить. К тому же в ссылке Ильич жил, как барину полагается, с прислугой. А товарищи могли упрекнуть в эксплуатации трудящихся.

Надо сказать, при царе в ссылке никого работать не заставляли. Каждый ссыльный получал ежемесячный оклад от правительства и этих денег хватало на оплату жилья, питание и кое-какую одежду. В Шушенском за Лениным практически никто не наблюдал. Начальство разрешило ему разъезды в радиусе 150 верст от места ссылки и поездки к врачам в Минусинск или Красноярск. Почти все ссыльные устраивались на работу, поскольку для хорошей жизни 8 рублей в месяц было маловато. Ленин в работе не нуждался. Мама слала ему одну сумму за другой, продукты стоили копейки и в результате Володя стал толстеть не по дням, а по часам.

В одном советском собрании ленинских восхвалений, сестра Ильича Анна без тени стыда пишет о скудном питании „вождя“ в ссылке, о его нужде и скромном образе жизни. В глаза врет о том, что братец ее жил всего на 8 рублей (царского пособия для политических ссыльных — примечание наше). Почему же тогда Ильич растолстел, почему пишет той же Анюте — „Я устроился здесь настолько хорошо (и несомненно лучше всех остальных товарищей), что беспокоиться маме совсем нет резонов...“ (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, стр. 40).

Когда через год ссылки к „вождю“ прибыла жена с тещей, первое, что произнесла теща при виде своего страждущего зятя, было: „Эк вас разнесло!“. „Он (т. е. Ленин — примечание наше) ужасно поздоровел и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере“, — писала Н. Крупская матери Ильича в мае 1898 года. А в июньском письме добавляет: „Вообще теперешняя наша жизнь напоминает „формальную“ дачную жизнь... Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда в довольно прихварывающем состоянии“.

Письма и воспоминания Крупской содержат немало правдивых сведений о „скудном“ питании и образе жизни ее супруга в сибирской ссылке. „Заседатель — местный зажиточный крестьянин — больше заботился о том, чтобы сбыть нам телятину, чем о том, чтобы „его“ ссыльные не сбежали. Дешевизна в этом Шушенском была поразительная... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили изо дня в день, пока всего не съест; как съест, покупали на неделю мяса, работница во дворе в

корыте... рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю... Молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича и для его собаки, прекрасного гордона Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке... Мы перебрались вскоре на другую квартиру — полдома с огородом наняли за четыре рубля'' (,,Воспоминания о В. И. Ленине''. 1968, т. 1, стр. 238). Добавим к этому рациону приносимых Ильичом с его почти каждодневной охоты зайцев, уток, дупелей и прочее, что в изобилии водилось в окрестностях Шушенского, свежую рыбу, овощи прямо с огорода. Было с чего растолстеть.

Если бы советская власть учинила каждому трудящемуся такой ленинский голод — в стране вскоре исчезли бы все бараны, телята и последняя лесная дичь. Ленинский голод советскому рабочему не под силу. Один баран стоит сейчас целую месячную зарплату, а полтеленка еще больше. О дупелях, утках да тетеревах лучше помолчать. Кто-то может и видал, как обкомовец едал, да приговаривал: ,,Вкусны тетеркины грудки!''. Обратите внимание, Ленин уже в те времена жил почти как современный секретарь обкома. Еда в изобилии поставлялась ему прямо к столу. Его революционная теща не занимала с ночи очередей за мясом, которого может и не быть. Жена не дралась в давках у прилавков за отделенные от мяса кости. Хорошо кормил царь своих врагов, от пуза, чтоб не иссякла их ретивость в борьбе за коммунистические идеалы. Трудно сказать, на какой диете сидел наш болезный ,,вождь'', ежели умудрялся один за неделю съедать корыто натуральных телячьих котлет или целого барана, присовокупляя несметное число шанег и разной дичи.

У господ Лениных, как и полагалось во всех дворянских семьях, была прислуга. Мужик, правда, в полевой сезон уходил, а вот ,,девка'' служила исправно. Барину и его барыням прислуживала ,,тринадцатилетняя Паша, худющая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство''. (,,Воспоминания о В. И. Ленине'', 1968, т. 1, стр. 239). Тяжела ссылка. В доме здоровый, молодой и упитанный мужчина, две женщины. Никто не работает, только шляются по окрестностям да поют песенки. Снизойдет блажь — попишут чего-то, а потом что спать, что есть — каждый за двоих. Им и полы выскобли, и обед приготовь, и постирай, и белье почини, и в огороде прополи, и телятину руби, дрова таскай, руби, печь топи да выгребай, чисть клозет, свежую постель стели — и все за два рубля с полтиной в месяц. Революционной семье эксплуатировать детский труд было совсем не стыдно. Спокойно взирал будущий дедушка Ленин, как худющая Паша губит свое детство, от зари до зари прислуживая трем взрослым господам. Его мужское достоинство не страдало от того, что маленькая девочка носит тяжелые ведра с водой, заполняя бочки для ежедневной баньки, снимающей усталость после прогулок с ружьецом, женой, собакой и тещей по окрестной местности. Мужик Сосипатыч вскоре занемог и умер, после чего Паше пришлось за ту же плату делать и Сосипатычеву работу. Наглая была семейка, богатая и ленивая, к черной работе брезгливая.

,,Боевые подруги'' новых ,,вождей'', ведя господский образ жизни, имеют основания не краснеть, потому что сам главный ,,основоположник'' пользовался прислугой постоянно. И Энгельс. И Маркс. И Ленин. Все пролетарские руководители, равно как и жены их и тещи, никогда ничего ,,грязного'' своими руками не делали. Нынешние соцлагерные ,,слуги народа'' посчитали нужным уберечь эту славную революционную марксистско-ленинскую традицию и даже самовольно развить ее и усовершенствовать. Марксу и Энгельсу прислугу оплачивали рабочие, купцы и фабриканты. Ленину — царское правительство (три года), рабочие, крестьяне, купцы и фабриканты. В наши дни прислугу соцлагерных ,,вождей'' и ,,вождят'' содержат все, с кого только можно удержать государственный налог или выжать золотой пот с дармового труда на ,,красных субботниках''. Обслуживающая

партократов челядь числится в рабочих. За их услуги сынкам, женам и тещам „слуг народа" им полагается приличное вознаграждение, ряд особых льгот и пенсия, как будто эти люди работали не на семьи партийных начальников, а для государства. В коммунистических странах трудящиеся вынуждены содержать не только партийных паразитов, но и всю их несметную придворную челядь.

В рассказе о тяготах ленинской ссылки следует сделать еще один упрек сестре Ильича Анне. Ложь ее свидетельских „откровений" можно высчитать на пальцах. Анна писала, что Ильич жил в ссылке на 8 рублей в месяц. Четыре рубля за полдома с огородом, два с половиной „девке" Паше. Выходит, „вождю" оставалось полтора рубля в месяц. По полтиннику на душу? И на оплату красноярских врачей, и на обильную еду, и на одежду, на разъезды, на патроны к ружью, наконец. Кто жил один, без прислуги и довольствовался углом в избе, а не полдомом с огородом, тот, чтобы купить к зиме шубу, обязательно должен был где-то работать. Одинокому ссыльному трудно было прожить на 8 рублей в месяц, а Ленин с семейством жирели втроем с полутора. Полноте врать, Анна Ильинична!

Будучи в ссылке „вождь" явно не перегружал себя теоретической работой, писал не спеша. Учитывая три года вольготной и бездельной жизни, написал совсем немного. „Минога" (партийная кличка Надежды Крупской) и ее мама вообще ничего не „творили". Ели, спали, гуляли, давали указания прислуге и болтали с приезжающими революционными предноменклатурниками. Какой трудовой человек не позавидует в душе ленинской участи? Кто не пожелает хотя бы годок отдохнуть всей семьей в сытости и комфорте, среди красивой природы, в тиши и блаженстве, без забот и хлопот? Грешным делом, авторы согласились бы на такое „наказание" хоть сейчас, даже без прислуги. Чать не господа Ленины, как-нибудь перебьемся. Нет у нас марксистско-ленинского опыта эксплуатации малолетних, да и совесть не

та. Сами все сделаем, дайте только полдома с корытом телятины. Выживем.

Дупеля, тетерки... Наверное, очень вкусно. Но время шло и кончилась коту масленица. 29 января (11 февраля) 1900 года, скормив Женьке последнюю шанежку, Ильич спрятал белы ручки в тещину муфту и покатил с ветерком. Впереди Псков, Мюнхен, Лондон, Женева, Париж, Краков, Берн... Деловые поездки в Брюссель, Берлин, Копенгаген, Стокгольм, Вену, Прагу, Цюрих, Штутгарт и Базель. В июле 1900 года Ленин покидает Россию.

Как видим, Ильич изрядно помотался по Европе. Издавал газеты, организовывал съезды и конференции, сколачивал единомышленников, отбирая среди них наиболее исполнительных и пригодных для выполнения любых поручений. Согласно официальной легенде, Ильич был скромен и самокритичен. По иным сведениям он был изрядно самолюбив, ехиден и не терпел никаких мнений, расходящихся с его собственными. Поэтому „вождь" благоволил к подхалимам. Царская тайная полиция не нуждалась в легендах о ленинской скромности. Она учитывала его реальный характер. Именно поэтому тайной полиции удавалось постоянно держать около Ленина своих работников, которых Ильич обожал и без устали нахваливал. С людьми, имеющими независимую мыслительную позицию, Ленин постоянно враждовал, понося их самыми вульгарными словечками.

Совсем иное отношение было у „вождя" к самым верным и безотказным товарищам. Любимцы Ленина — Малиновский, Черномазов, Житомирский, Брендинский, Романов и Шурканов были агентами царской тайной полиции. „Парни хорошие... Можно, ей-ей можно с такими людьми построить рабочую партию..." (В. И. Ленин, ПСС, т. 48, стр. 140). В их число однако затерся Иосиф Сталин. Этого деятеля впоследствии узнает весь мир и узнает не с лучшей стороны. Все остальные товарищи, как меньшевики, так и большевики — в чем-то обязательно „неверные". Тот ренегат, тот предатель, а Троцкий в глазах Ленина превратился в Иудушку, хотя, на

наш взгляд, в кого еще ему из самого себя можно было превратиться? Ленин бранил Троцкого несмотря на то, что тот руководил ликвидацией Временного правительства России, освобождая „вождю" путь к восшествию на большевистский престол. Не будь „вождь" столь самолюбив, мы не имели бы ни одного из вышеприведенных фактов.

Ленин был великим обманщиком. Юродствующее лицемерие „вождя" и всей его семейки немало способствовало успеху многих его обманов. Ленину удалось ввести в заблуждение миллионы людей и в этом он воистину велик. Его ложь не застыла мертвым фактом на анналах истории. Ленин умер, а ложь его жива. Обман продолжается. Тысячи платных хранителей ленинской лжи поддерживают ее жизнь изо всех сил, притом так эффективно, что порою кажется, будто она моложе, здоровее и сильнее, чем при жизни ее первоносителя. Уходят годы и вместе с ними уходят из жизни последние честные свидетели ленинской жизни и его деяний. В силу этого, официально разрешенная легенда о добром дедушке Ленине почти безущербно витает над мавзолейной мумией, создавая все более и более типичный идеализированный образ коммунистического святого.

Но вернемся к Ленину живому. Итак, Ильич очутился в эмиграции. Что стоило выехать за пределы России поднадзорному дворянину Ульянову, отбывшему тюремное заключение по политической статье и только что вернувшемуся из сылки? Никаких забот, никаких хлопот. Купил заграничный паспорт, захватил с собой денег и вещей, сколько мог увезти — и поехал. Никто не лишал его ни Российского паспорта, ни Российского гражданства, хотя он только тем и занимался, что нарушал законы и в открытую поносил царя и правительство. Родственники и друзья Ленина систематически навещали его в эмиграции, совершая свои вояжи абсолютно беспрепятственно. Имея на руках законный паспорт, Ленин мог ездить с ним куда угодно и жить в любом желаемом месте. В наше время столь крупной льготой пользуется

только диссидентская элита, в награду за свою деятельность высылаемая из Союза с полноценными „серпастыми и молоткастыми" в карманах.

Для Ленина главное неудобство в эмиграции сводилось к необходимости сокрытия своего материального благополучия. Кстати, при жизни „вождя" не было и легенды о его постоянных материальных затруднениях. Миф о „бедствиях" Ильича был создан позднее, после 1924 года. Здравый смысл запрещает нам верить в сказку, будто неимущий господин Ленин мог подолгу жить на швейцарских курортах и снимать квартиры в „дорогих" городах Европы, издавать свои газеты и без конца колесить из одной страны в другую. За все нужно платить. В том же прекрасном Париже бывали случаи, когда русские рабочие, эмигранты-социалисты, от голода сходили с ума. Некоторые, не выдержав тяжести материальных невзгод и голода, кончали жизнь самоубийством. Например, московский рабочий Пригара бросился с моста в Сену.

Ленин знал о бедствиях рабочих-большевиков в эмиграции, но никому из них не помог. Он придерживался мнения, согласно которому партия — не благотворительное общество и не „Армия Спасения". Конечно, о Горьком нужно было заботиться, проверяя, не сырая ли у него простыня. Горький имел большие деньги и Ленин потихоньку вытягивал у него для своих нужд весьма крупные суммы. В таких случаях Ильич, подобно Марксу, часто действует через подставных лиц. В частности, в письме к А. Богданову Ленин просит последнего выудить деньги у Алексея Максимыча. „Помощь в первые месяцы нужна дьявольская... Не забывайте этого и тащите *(особенно с Горького)*..." (Слова в скобках подчеркнуты Лениным.) (В. И. Ленин. ПСС, т. 47, стр. 5—6). Речь здесь идет, разумеется, не о помощи голодающим большевистским эмигрантам. В том же письме подтверждается глубокий эгоизм Ленина и его наплевательское отношение к безопасности других людей. Когда Ленин прибыл за границу, то по соображениям сверхконспирации

не общался ни с одной зарубежной колонией, при возможности, квартиры снимал под чужой фамилией, скрывал свое имя и национальность. Эти перестраховочные меры, как известно, оказались напрасными, они продемонстрировали не столько конспирантивное мастерство „вождя", сколько его трусость. Себя он прятал, как мог, а вот рабочим, живущим в России, рекомендовал открыто выписывать запрещенную газету „Вперед" на свои домашние адреса. Ленин пишет: „Надо добиваться также, чтобы рабочие непосредственно давали свои собственные адреса для посылки „Вперед" в конвертах... Полиция не в силах перехватить и десятой доли конвертов" (В. И. Ленин. ПСС, т. 47, стр. 7). А вдруг перехватит? Как быть с теми, кто заранее обрекался Лениным на полицейскую децимацию? У товарищей рабочих есть семьи, жены, дети. Арестуют рабочего, закуют в острог, кто будет кормить его детей? Добрый дедушка Ленин? От его щедрот один путь — в петлю или в речку. У рабочих не было мам с пенсиями вдов действительных статских советников, счетов в банках и приносящих доход поместий. Ленин дрожал как осиновый лист только за свою жизнь. Распространение газет нужно было ему для популяризации марксистских идей. Ради этого он готов был обречь каждого десятого читателя своей газетки на тюрьму, а его семью на голод и другие лишения.

Сталин любил повторять — „Лес рубят, щепки летят". В порыве сатанинского вдохновения коммунистические „вожди" обычно игнорируют живую разницу между человеком и щепкой. Марксисты рубят не лес, а человечество, превращая общественную жизнь в кучу щеповидных отходов своей идеологии. Маркс тоже, помнится, имел слабинку подставлять под удары чужие лбы, не забывая любыми способами спасать собственный.

Чтобы голодающие рабочие партийцы не претендовали на личную материальную помощь их „вождя", Ленин усиленно рекомендовал всем своим содержателям скрывать истинные суммы высылаемых ему денег. В письме

к А. Калмыковой, давшей Ильичу тысячу рублей, Ленин назидает: „Я бы лично склонился к тому, что лучше пока всей суммы не объявлять никому (держать ее про себя), о возможности получить всю сразу — тоже абсолютно никому, ибо теперь „возможных" предприятий *тьма*. Обилие побегов (из тюрем и ссылок — примечание наше) ставит „в распоряженье" „Искры" кучу людей *при условии содержать всех их*, но если за это широко, легко и необдуманно взяться, то мы окажемся через 1/2 года — год без ничего" (В. И. Ленин. ПСС, т. 46, стр. 228). И далее следует рекомендация каждому заботиться о себе самостоятельно. Вот как отблагодарил добрый Ильич читателей своей агитки. Если бы он обеспечил деньгами всех бежавших из царских тюрем и ссылок рабочих, то через год у Ленина денег существенно поубавилось бы. Чем кормить всяких, пусть лучше в Сену кидаются. Сейчас Ленину нужны были рабочие в России, а не в Париже. Нужны были для агитации, для шума, для жертв, для материала к его статьям, для распространения ленинской лжи. Отшумевшие и отсидевшие рабочие, попавшие в заключение из-за ленинских подстрекательств, а затем прибывшие к „вождю" за наукой и спасением, Ленину были не нужны. Его черствый эгоизм закоренелого прагматика как нельзя лучше вырисовывался на фоне отношения к реальным человеческим нуждам рабочих еще задолго до октябрьского „лицедейства".

Регулярной материальной поддержкой „вождя" пользовались только избранные ленинские функционеры, среди которых один Бабушкин числился рабочим, хотя сидел в основном на содержании своего дяди-фабриканта. Богдан, Улитка, Медвежонок, Гуща, Лапоть, Матрена, Лошадь и Грызун составили тесную компанию доверенных содержанцев „вождя" и „вдохновителя". Кроме указанных лиц к важным делам почти никто не допускался, а в святая святых ленинской затеи не были посвящены даже самые близкие соучастники. „...Он один понимал внутреннюю сущность... нашей партии", — гово-

рил позднее его преемник Сталин. („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 130).

Каждый из близких знал часть общего замысла, но не суть замысла в целом. Общие слова о свержении царизма, помещиков и буржуазии выражали всего лишь видимую часть реального вождистского замысла. Дальнейшая „революционная" ленинская практика невольно вскрыла значение его сокровеннейших желаний. Борьба с Троцким и выдвижение „наверх" второго эшелона своих соратников, массовый террор и неожиданно спешные переорганизации управленческого аппарата, бегство из цитадели переворота в московский Кремль и т. д. — все это во многом способствовало закреплению единоличной власти Ильича Первого. Год от года все, кому не лень, перемывают косточки сталинского культа личности, в пылу забывая о культе личности Ленина. Именно „скромный" дедушка Ленин был основоположником института культа своей личности в условиях первого этапа большевистского порабощения России, а до него в условиях безвластия эту идею формировал и отшлифовывал „отец" Маркс.

Каждый соцлагерный „вождь" обречен на культ, закономерно вырастающий из семени большевистского „демократического централизма" — основы бытия единоличной власти красных диктаторов. Централизм этот вовсе не демократический. Ничего общего собственно с *народовластием* у него нет. Суть большевистского принципа „демократического централизма" сводится к обеспечению персонализированного централизма власти энного партийца над народом, а не наоборот. Если бы слова коммунистических идеологов о демократическом централизме соответствовали вытекающему из данной формулы содержанию, советская власть в настоящем ее виде просто перестала бы существовать и ни один Сталин-Брежнев не сумел бы руководить страною практически пожизненно. Какое ныне в России „народовластие", какие „выборы" и „демократизм" управления, знают все невольноподданные рабы КПСС „от Москвы до самых до окраин". Словесная оболочка теоретического обоснования большевистского „демцентрализма" создана для добротного сохранения лженосной сердцевины одного из важнейших средств идеологического одурманивания трудящихся, создана для обмана зрения, в расчете на массовую политическую близорукость участников и жертв коммунистического лицедейства. „Демократический централизм" коммунистической власти выполняет функцию красивой декорации, в тени которой творят свои некрасивые дела единовластвующие наднародные самоизбранники, в исполнении народной воли отнюдь не заинтересованные, ибо эта воля отвергает начисто коммунизм с его марксизмом-ленинизмом. Здравая воля русского народа никогда не создала бы на месте России антинародное государство СССР. Поэтому большевики прежде всего постарались заразить известную часть народа идеей „пролетарского интернационализма", парализовав здравую волю ложью несбыточных обещаний; в числе которых не последнее место занимало обещание „истинно народной власти", построенной на принципе демократического, т. е. *народноправного*, централизма. Теперь, когда советская власть дожила до пенсионного возраста, попробуйте в нормальной обстановке сказать рабочим, что советская власть — их, родная, что страной правят они, а не „генсек". Хорошо, если ноги окажутся быстры. Ведь фактически под убаюкивающие песенки на тему заботы партии и правительства о благе народа, коммунистическая „номенклатура" обратила трудовой народ в рабство.

Как „сам" Ленин относился к рабочим, можно было бы понять и ранее. Но те, кто понял Ленина вовремя — либо в Сену кинулись, либо повесились или же спокойно отошли от его темной компании, примкнув к другим охмурителям народного сознания. Впоследствии по приказам „сердобольных" большевистских вождят, почти все перебежчики были физически уничтожены. Спаслись немногие. При советской власти много знать вредно. Власти строго блюдут чистоту обмана, заботясь о том,

чтобы в мозги рабов под псевдонимом правды проникала только нужная, проверенная и утвержденная к „ширпотребу" ложь и никакой правдивой информации. Потому и расплодили так чекистскую псарню. Много работы у феликсовой сволочи. Смотреть надо чуть ли не за каждым. Извели крестьянство, поубивали почти всех умных людей, запретили трудящимся человеческую жизнь, но сами каждый день по-ленински требуют большой кусок мяса, плюс тысячу других удовольствий.

Не потому ли в обильной землею и богатой всяким природным добром России народ питается чем попало и живет от получки к получке? Колхозы нельзя считать единственной причиной упадка земледельческого хозяйства и продовольственного кризиса в стране, когда-то являвшейся крупнейшим экспортером зерна и всяческих продуктов питания. Помимо колхозов страну разоряет вся организация большевистского правления во всех сферах жизни — промышленной, торговой, культурной и т. д. Лучшее от плодов труда колхозников идет опять-таки не в желудки простых смертных, а без остатка сжирается жадной до разных дармовых благ „номенклатурой". Трудовому человеку достаются одни объедки и отходы. Слишком уж много дармоедов и каждого нужно накормить от пуза и упоить до отвала. Ленин говорил о благе народа с единственной целью — обмануть людей, чтобы крепче сесть им на шею. Наш вывод жизнь подтвердила полностью. Видимо, „революция" делалась для тех, кому сейчас живется лучше всех. Ну, а кому сейчас живется на Руси весело и вольготно, известно. Ни крестьян, ни рабочих среди вольготно веселящейся публики вы не отыщете. О забывших и серп и молот депутатствующих эккариусах мы здесь не говорим.

Львиную долю своих грехов коммунисты сваливают на капитализм. Напрасно. На деле наличие „чистого" капитализма в ряде промышленно развитых стран сейчас коммунистическим тиранам необходимо, как воздух. И, наоборот, ультраправые богачи Запада извлекают прямо или косвенно из существования на Востоке соцлагерной системы рабовладения немалые выгоды. Поэтому реальные хозяева двух „противоборствующих" социальных структур не заинтересованы в полном уничтожении своего внешнего антипода. Разомкнутые крайности лишат их возможности гонять человечество по заколдованному кругу своих эгоистических интересов.

Первокоммунисты пользовались широкой материальной поддержкой крупных капиталистов своего времени отнюдь не случайно (кстати, и поныне пользуются коммунисты услугами миллионеров, это уже не секрет). Нам пришлось повторить это в связи с появлением на биографическом горизонте третьего „вождя" некоего Парвуса. Проживая в Мюнхене, Ленин не только полностью изолировал себя от русских эмигрантов из мюнхенской колонии. Он ни разу не встретился ни с одним немецким социал-демократом, что, по-видимому, не способствовало расширению интернациональных связей РСДРП и несколько разрушало завет о соединении пролетариев всех стран в единое коммунистическое стадо. Вероятнее всего, стадо изначально решили поделить пополам. Из расколотой скорлупы пить нектар общей выгоды намного удобнее. Точный перевод лозунга „Пролетарии всех стран соединяйтесь!" суть: „Разделяй и властвуй!" Вот почему в ряде случаев Ильич Первый в международных связях с левой оппозицией совсем не нуждался. Он принадлежал к оппозиции „организованной", к оппозиции, на которую сделана хорошая ставка.

С кем же встречался „вождь" в Мюнхене? По словам Крупской, Ленин и его семейство „встречались только с Парвусом, жившим неподалеку... в Швабинге, с женой и сынишкой... Тогда Парвус... интересовался русскими делами". („Воспоминания о В. И. Ленине", 1968, т. 1, стр. 261). „Минога" права. Ильич нуждался в Парвусе, а Парвус в Ильиче. Взаимный интерес надолго и крепко связал двух заинтересованных в антирусских делах хитрецов. Им было о чем поговорить, о чем договориться. Это были действительно деловые разговоры, содержание

которых хранилось и хранится по сей день в глубокой тайне. В курсе „Истории КПСС”, т. 1, 1964 год, имя А. Л. Гельфанд (он же Парвус) встречается всего один раз и то в контексте попытки Потресова каким-то образом использовать его против Ленина. Друг преподносится как враг. Еще одна ложь. И нигде, ни в одном учебнике по истории КПСС не говорится о том, что Парвус-Гельфанд был одним из виднейших представителей марксистской буржуазии и ворочал огромными капиталами.

В Шушенской ссылке Ильич, валяясь в кровати со своей „Миногой”, мечтал о том, что когда-то они примут участие в крупной первомайской демонстрации, возглавляя грандиозное шествие „сознательных” пролетариев. Супругам предоставился случай участия в первой первомайской демонстрации немецких рабочих. Демонстрация была грандиозной, однако Ильич со своей революционной супругой вскоре отделился от демонстрирующих и пошел бродить по Мюнхену в весьма скверном настроении. Сбылись мечты и вдруг — дурное настроение? Надо понимать Ленина. Он должен был идти впереди, возглавлять, руководить, вопить с высокой трибуны, а тут — конфуз. Рабочие пошли за другими „вождями”. Ильичу пришлось пристроиться сбоку, никто его не замечал, никто не нес с криками „ура” на трибуну. Супруги обиделись. Ушли. Отомстят потом. А сейчас — в гости к Парвусу.

Господин Гельфанд не был единственным кормильцем революционной семейки. В ряду ленинских содержателей мы видим, например, члена богатейшей московской купеческой династии Николая Шмидта, владевшего к тому же лучшей мебельной фабрикой в России. О получении денег от Шмидта, кроме Ленина и его семейки, знал один Богданов, тогда еще очень друживший с „вождем” и ведавший сбором дани в его казну. В конце-концов Шмидт попадает в тюрьму и через год гибнет там при весьма загадочных обстоятельствах. После смерти Шмидта его капиталы переходят в руки Ленина.

Другим многолетним кормильцем Ильича и его партии был известный миллионер Савва Морозов. Савва щедро откупался от большевиков ежемесячной дотацией в две тысячи рублей на издание „Искры” и плюс к тому покрывал многие другие личные расходы и партийные нужды Ильича. После прихода к власти „вождь”, в память о друге, приобрел к своим рукам подмосковный дворец Морозовых в Горках, где одно время жил и там же умер. Были у Ленина и другие содержатели, масштабом помельче, числом побольше.

Деньги шли к Ильичу регулярно. Иногда „вождь” даже затруднялся сказать, от кого пришли к нему деньги и за что. 15 февраля 1917 года он пишет сестре: „Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 фр., а кроме того 22.1. я получил 500 фр. Напиши, пожалуйства, какие это деньги... за что именно и мне ли... Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: „Пенсию стал-де ты получать”. Ха-ха!” (В. И. Ленин. ПСС, т. 55, стр. 368).

Когда человеку нечего кушать и нечем платить за квартиру, он все силы бросает на поиски любой работы. Грязная эта работа или нет, вредная, тяжелая, малооплачиваемая — в данном случае значения не имеет. Лишь бы выжить. Но если человек не работает многие годы и разъезжает по курортам... „Ха-ха!” (В. И. Ленин. ПСС. т. 55, стр. 368).

Каждое лето у Ильича появлялась потребность в приятном отдыхе и лечении. У „своих” партийных докторов не лечится. Заболит животик — мчится в Швейцарию к знаменитому доктору Мермоду. Приболела „Минога” — Ильич везет ее из Польши опять же в Швейцарию, в Берн, к другой мировой знаменитости — Кохеру. Бесплатных большевистских докторов Ильич избегал, предоставив возможность пользоваться их услугами товарищам пролетариям. Заметим, что эта ленинская традиция тщательно охранялась и недурно сохранилась благодаря усилиям высших партийно-государственных начальников в СССР, где все Политбюро предпочитает в критических случаях

пользоваться услугами зарубежных беспартийных светил, безыдейно ставя идейно преданных лекарей в сторонку. Разумеется, услуги загрансветил оплачиваются по-королевски щедро и не из своего кармана.

Свое здоровье „вожди" берегут и знают, кому можно доверять, а кому нельзя. Об этом более чем откровенно пишет Ленин в своем письме к Горькому в ноябре 1913 года. „Известие о том, что Вас лечит *новым* способом „большевик", хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности. Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи „ослы", как мне раз сказал один *хороший* врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо *только* у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика — это ужасно!!" (В. И. Ленин. ПСС, т. 48, стр. 224). Редкое откровение! Кто из нормальных „простых" советских людей не согласится здесь с Лениным? Правда — есть правда. Пробовать на себе большевистские изобретения действительно ужасно.

Будучи в Лондоне, Ленин любил кататься на омнибусах. Крупская вспоминает: „Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу... Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зеленью, где ездят только вылощенные кэбы, и ютящиеся рядом грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бедные дети... Наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял: „Two nations" („Две нации")" („Воспоминания о В. И. Ленине". 1968, т. 1, стр. 263).

Не знаем, всерьез ли сипел сквозь зубы Ильич Первый о двух нациях. В Советском Союзе каста партократов-рабовладельцев давно оформилась в особую номенклатурную „нацию". Бледные дети, играющие в темных коридорах советских рабочих общежитий, не вызывают у партийного начальства гнева на несправедливость своей

власти. Утопающие в зелени особняки советской аристократии бдительно охраняются „доблестными" чекистами и специальной милицией. Вопиющие контрасты визуально подчеркивают строгое классовое разделение общества страны недостроенного коммунизма. Злые люди создавали марксизм-ленинизм. Злые и несправедливые. Одни мерзавцы выдумывали, другие творили, а третьи дотворяют, пожиная и пожирая плоды усилий основоположников их нечестивого счастья. Наивно полагать, будто можно пронять их проповедью любви к ближнему или ссылками на ими же выдуманные законы. Соцлагерные партократы в свою власть вцепились крепко. Эта власть — их власть, их судьба. Они до тех пор будут сидеть на шее народа, пока их не сбросят силой.

Ненужных легенд большевики не сочиняют. Мы немало места уделили одной из них — легенде о нищете Ильича Первого. Теперь подумаем, для чего нужна была эта легенда и выясним, с чего и когда она вошла в большевистский пропагандистский обиход. Дело в том, что трудящиеся „страны советов" и сейчас живут небогато, а после октябрьского переворота, исключая НЭП, добрые полвека влачили существование в сплошной полосе бедствий. „Руководители" никаких лишений не знали, но, чтобы не злить народ зрелищем своего нескончаемого пира, постарались хорошенько свою роскошь спрятать за высокими заборами „персональных" особняков и широкими спинами чекистов. Постепенно трудящихся обучили грамоте, чтобы они могли читать разрешенные к чтению книжки, нужные новым господам для упрочения своей незаконной власти. Среди этих разрешенных к чтению книжек, особо выделялись книжки обязательные не только к чтению, но и к изучению. В такого рода „литературе" первейшее значение и место занимают биографии „отцов-основоположников". Описанная в них нищета и скромность в потребностях главных „вождей", разумеется, чистейшая ложь. Но ложь эта была создана с целью душевного и духовного сближения на расстоянии, причем, сближения одностороннего с видимостью

обоюдного. „Вождей" нужно было сделать „своими" для народа. Ленин тут прямо артист — сам помог сближению, сменив при въезде в Россию щегольской „котелок" на мятую кепочку. Мол, видите, я сам такой же, как и вы, товарищи рабочие. Народ голодает. Но ведь и Ленин жил впроголодь, питаясь одной картошкой из солдатского котелка, уверяют советские биографы. Народ ютится в подвалах, „коммуналках", общежитиях и по „углам" частников. Создаются „магнитки", „беломорканалы" и тому подобное, а людям жить негде, домов для них строится плачевно мало. Не ворчите, товарищи рабочие. Великий Ленин — и то жил, где попало, даже в шалаше, всю жизнь скитался по чужим „углам", но не роптал на судьбу, а денно и нощно трудился для вашего будущего блага, — увещевают народ „знатоки" ленинской жизни.

Как ни странно покажется с первого взгляда, основоположником легенды о бедствиях Ильича Первого был рабочий Владимиров, бывший наборщик большевистской типографии в Париже. Сей товарищ в 1924 году выпустил с помощью Государственного издательства Украины брошюру „Ленин в Женеве и Париже", которая вышла в свет сразу после смерти Ленина. В ней Владимиров со слезами завирается о страшных бедствиях своего кормильца и покровителя, подкрепляя сказанное „фактами". Например, говоря о парижской квартире Ленина на улице Бонье, Владимиров утверждает, будто она состояла из одной комнаты с альковом и маленькой кухней. Но эти „правдивые" свидетельства рабочего Владимирова резко расходятся с описанием той же квартиры другими очевидцами и, в частности, самими квартиросъемщиками. По версии Владимирова, Ульяновы жили вчетвером в одной комнате с альковом. Крупская и Ленин пишут иное.

Крупская пишет следующее: „Квартира была нанята на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над камином (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, в Сорбонну, учиться языку, наша комната с Владимиром Ильичом и приемная" („Воспоминания о В. И. Ленине", 1968, т. 1, стр. 347).

По-видимому, в данный период, бедствия сводились в основном к отсутствию кухарки, поскольку в обязанности прислуживающей „мадам" не входило приготовление пищи и мытье посуды. Quelle horreur! Фи-фи!

„Суровые" условия жизни „вождя" вызывали сочувствие родственников. „Как-то в феврале, помнится, приехал из своего путешествия по Японии Марк Тимофеевич, муж Анны Ильиничны, обедал у нас. Посмотрел он, как мы хлопочем около кухни, как по очереди с Марией Ильиничной моем посуду и говорит: „Лучше бы вы „Машу" какую завели" („Воспоминания о В. И. Ленине", 1968, т. 1, стр. 347). Ценный совет дал товарищ Елизаров, но с „Машами" в Париже было нелегко. „Машу" в Париже найти труднее, чем Пашу в Сибири, да и двумя с полтиной не откупишься. „Вождь" жил шикарно, однако, по каким-то соображениям, предпочел в то время обходиться услугами одной консьержки и теми „саламандрами" которые носили ему уголь, топили и чистили камины. А господа сами себе готовили, сами подавали на стол и даже мыли после себя посуду. Quelle horreur!

19 декабря 1908 года „вождь" пишет сестре Анне бодрое письмо, из которого мы опять узнаем нечто противоположное грустной сказке Владимирова: „Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру: M-e Vl. Oulianoff, 24. Rue Beaunier, 24. Paris (XIV-me). Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 850 frs. + налог около 60 frs. ... По московски это дешево (4 комнаты + кухня +чулан, вода, газ), по здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо... Квартира... около парка Montsouris. Тихо, как в провинции... Парижем пока довольны". (В. И. Ленин, ПСС, т. 55, стр. 264). Любой советский рабочий был бы доволен такой квартирой не только в Париже, но и в Пензе, только бы дали. Но не дадут. По советским законам семье рабочего из четырех человек не положено иметь четырехкомнат-

ную квартиру. В идеальном случае он может рассчитывать только на трехкомнатную и, конечно, без каминов. А что касается Ленина, так „вождь" по-советски не жил ни до, ни после октябрьского переворота.

Почему так нагло врал старый большевик Владимиров? Потому, что был он русским Эккариусом, типичным пролетарским Иудой. Подлый наймит большевиков отрабатывал свои серебряники. С его, Владимирова, грязной руки пошла гулять-куролесить легенда о стесненных жилищных условиях Ильича Первого в годы эмиграции.

Через год жилищные условия жизни Ленина действительно изменились. Сестра Маняша доучила французский язык и укатила из Парижа. Оплачивать явно лишнюю комнату не было смысла. Ленин нашел другую квартиру, на улице Мари-Роз, трехкомнатную на троих, без каминов, зато с центральным паровым отоплением. Своими ежедневными визитами истопницы сильно раздражали „великого мыслителя", поэтому он был несказанно рад возможности жить в квартире с паровым отоплением, о чем неоднократно с восторгом писал своим родственникам. Теперь эту квартиру превратили в музей Ленина и обязательно показывают всем блатным, попавшим в Париж в качестве туристов.

В жизни „вождя" все-таки случались некоторые временные неудобства. Так, спасаясь от суда Временного правительства, Ильич ночевал в известном шалаше. В первые дни после захвата власти пришлось жить в защищенном пулеметами и пушками Смольном дворце. Условия жизни Ленина в Смольном описал будущий член ВЦИК и комендант Кремля, а тогда первый комендант Смольного, Мальков. „Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой... В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев — вот и вся обстановка. За перегородкой... кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего. Прикомандировал я к „квартире" Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой... В то же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков — Александра Васильевича Шотмана... Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича". („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 3, стр. 81—82). Как видим, в тесноте, да не в обиде. И опять слуги, слуги...

Вскоре господа-товарищи Ленины обзавелись новыми просторными аппартаментами, увеличилось число лакеев и стражей. Потом развернулись шире, въехали в Кремль и, заодно, в загородный морозовский дворец. Но не удалось Ильичу в полной мере насладиться жизнью, не удалось! Не дожил до славной эпохи пьянок в царских дворцах, не дожил до хоромов Ливадии.

Ранее мы не раз указывали на лицемерие товарища Ленина. Кратко поведали о ленинской „нищете" и о том, когда и с какой целью родилась эта легенда. Теперь коснемся иных личных качеств Ильича, поговорим в частности о жалкой трусости „вождя" и о его недоверии к партийному большевистскому активу и к рабочим.

Советским рабам со школьной скамьи становится известно, как совсем еще молодой Ильич приступил к организации рабочих кружков в Петербурге. На сотнях картин запечатлен молодой пламенный революционер с протянутой рукой в окружении живописно скомпонованных групп, просветленных счастьем созерцания „вождя", сознательных товарищей рабочих. „Родной наш!", — кричит каждый жест и взгляд мастеровых. И „вождь" шагает к ним не только с распахнутым пиджачком, но вроде бы и с душой нараспашку. На самом деле все было гораздо прозаичнее. Никто из рабочих, даже из числа руководителей кружков, настоящего имени своего обманщика не знал, никто не знал, где он живет, какая у него профессия, на какие средства себя содержит и, разумеется, никаких указаний о его социальном, как говорят у нас, происхождении. Рабочие знали его как бесфамильного Николая Петровича. „Вождь" страдал шпио-

номанией, на занятия в кружках всегда опаздывал. Дабы скрыть свою личность, „вождь'' даже в летнее время к немалой потехе сыщиков ходил в осеннем пальто с поднятым воротником и в большой, нахлобученной на глаза, шапке. После ареста Ильич страшно волновался. Узнав о мягком приговоре, сразу „оттаял''. Эх, было б отчего дрожать! Ведь не к своим же чекистам попал, а к царским „палачам''.

Позднее, убегая в Разлив, Ленин обманул выделенных для его сопровождения членов ЦК, из-за чего товарищ Серго Орджоникидзе расстался со своими роскошными усами и шевелюрой. Что означает для кавказского мужчины потеря усов, лучше спросить у самих кавказцев. Ленин ушел с другими. Членам ЦК пришлось несколько дней разыскивать своего беглого „вождя'', который, кстати, не забыл полностью обрить и себя. Ленин сбрил бороду, усы и даже жалкие волосики с затылка. Советский художник М. Соколов погрешил против истины, изобразив Ленина у шалаша со всем его волосяным покровом, да еще на пеньке. Не было монгольской бороденки, не было легендарного пня. Был обыкновенный чурбан. Днем Ильич никогда из шалаша не выходил, поэтому вся картина Соколова выглядит издевательством над истиной и традициями реализма. „Вождь'' не пребывал в одиночестве. Его охранял Николай Емельянов, впоследствии крупный советский начальник, и присоединившийся позднее (а еще позднее расстрелянный) член ЦК Зиновьев. Для них на картине Соколова места не нашлось.

В дальнейшем Ильича спасали финские „товарищи''. Но даже в Хельсинки Ленин выходил на улицу только после захода солнца, в парике и неизменно в сопровождении своего финского друга Ровно, бывшего в то время начальником городской полиции. Ленин жил в его квартире и оказанных услуг не забыл. В 1918 году, после провала коммунистической авантюры в Финляндии, господин Ровно сбежал в „страну советов'' и двадцать лет находился на ответственной партийной работе. В

1938 году его жизненный путь оборвался. Как нам известно, в те годы смертность среди партийных начальников резко возросла.

За свою холеную шкурку Ильич дрожал не напрасно. Временное правительство располагало рядом обличительных документов, свидетельствующих о сотрудничестве Ленина с германским генеральным штабом. Невинный легко мог доказать свою невиновность, благо суд готовился гласный, открытый, по всем статьям не советский суд. Для большей гарантии объективности Временное правительство согласилось даже на то, чтобы Ленина в процессе суда охраняли его сторонники красногвардейцы. Несмотря на все гарантии „вождь'' предпочел спрятаться в болоте.

С обвинением в шпионаже и добровольной болотной самоссылкой Ленина более менее тесно связан ряд предшествовавших и последующих событий, до сих пор, на наш взгляд, исследованных недостаточно глубоко. Не претендуя на полную безошибочность наших выводов, осмелимся по ходу повествования высказать некоторые предположения, открывающие возможность понимания ряда политических событий того времени несколько в ином ключе, сравнительно с большевистской интерпретацией. Как известно, вскоре после большевистского переворота Финляндия и Прибалтика обрели полную независимость, а, например, за Туркменистан Ленин приказал бороться изо всех сил. Почему на долю финнов и прибалтийцев выпала особая честь? Не потому ли, что финны прятали Ильича от суда, а латыши бдительно оберегали его от народной мести, выдвинув из своей среды целую „плеяду'' звероподобных чекистов? Рассказы о зверствах и садизме красных латышских стрелков леденят кровь. Не было им равных в свирепости, как не было равных им в преданности Ленину и всей его узурпаторской шайке. Они были верной палочкой-выручалочкой „вождя'', не на жизнь, а на смерть, с невероятным фанатизмом сражаясь в годы гражданской войны с антибольшевистскими войсками. Самые крупные восстания

русских рабочих и крестьян против советской власти утопили в народной крови они же, действуя заодно с большевистскими иностранными наемниками — „интернационалистами". Кому-кому, а латышам, недовольным советской властью укрепившейся на их земле, не стоит сверх меры упрекать в своем несчастье русских, наобум валя с больной головы на здоровую. За что вы, товарищи латыши, боролись, на то, извините, и напоролись. Наш вам совет — чем русские грехи считать трудиться, не лучше ли к своим грехам оборотиться. Финны и прибалтийцы оказали Ленину и его советской власти немало услуг. Но дело не только в этом. Как нам кажется, данная история имеет еще одну, малозаметную с первого взгляда подоплеку. Здесь, как и всюду в ленинской практике, на первый план выходят не интересы трудового народа указанных нами стран, а нечто иное, к народным нуждам никакого отношения не имеющее.

Перед отъездом в Россию большевики заключили соглашение с германским правительством, которое обеспечило быструю доставку „вождя" и его соратников в Швецию, откуда все они вскоре выехали в Россию. В Швеции большевиков ожидал весьма теплый и дружеский прием,. Об этом писал в своих воспоминаниях большевик Миха Цхакая. „В Швеции нас встретили радушно и гостеприимно," — пишет Цхакая. „...Нас тепло встретили и отвезли для отдыха в первоклассную гостиницу... Нас с Ильичом повезли по магазинам, чтобы одеть поприличнее. После экипировки нас повезли на банкет, в котором участвовали шведские товарищи во главе со стокгольмским мэром. Здесь же мы составили официальный акт, засвидетельствовавший все (все ли? — реплика наша) обстоятельства нашего путешествия... Все наши старые эмигрантские документы и письма мы оставили в Стокгольме..." („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 384).

Достигнув порога России и пройдя таможенный досмотр, Ильич весело расхохотался. Обняв Миху, Ленин проговорил: „Наши испытания, товарищ Миха, окончились. Мы на своей земле, и мы им покажем, — тут он погрозил кулаком, — что мы достойные хозяева будущего", („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр, 384).

Каким хозяином стал Ленин и каких хозяев он с собой привез, мы знаем. Не зря кулачком грозил. Импортная власть дорого обошлась народу. Но не совсем ясно другое — чем был вызван пышный и нежный прием с подарками и официальным банкетом в честь Ильича и его компании в Швеции? Зачем понадобился „акт", с какой целью оставлены все документы и письма? За какие, наконец, заслуги германское правительство обеспечило большевикам бесплатный проезд с прислугой и охраной через свою территорию к пределам России? За одни косые глазки таких услуг не оказывают. Вспомним немного историю и, может быть, некоторые вопросы перестанут казаться нам столь трудными и запутанными.

До присоединения к Российской империи Финляндия долгое время принадлежала Швеции, а значительная часть Прибалтики — немцам. Совсем не исключено желание немцев и шведов вернуть себе с помощью ленинской шайки прежние владения или хотя бы превратить финнов и прибалтийцев в своих марионеток. Немцы, кроме того, были кровно заинтересованны в прекращении войны на два фронта, в развале русской армии и в сырьевом грабеже Украины, Белоруссии и Прибалтики. Шведам помешали англичане, а вот немцы сумели вернуть себе господствующее положение в Прибалтике и подчинить Финляндию своему политическому и экономическому влиянию. Но все, что требовалось немцам и шведам от Ленина, было выполнено полностью и без промедления. В тот период ленинская внешняя политика удачно совпадала с историческими интересами и планами германского и шведского правительств. Где честь, где совесть?

Совести у большевиков нет и никогда не было. Вспомним хотя бы, как образовалось первое большевистское правительство. Еще прячась в болоте, Ленин через своих доверенных друзей Шотмана и Лашевича распускает сре-

ди большевиков слух о том, что через несколько месяцев он будет в России премьер-министром. Так Ильич попытался заранее приучить всех к мысли, что вождем будет именно он, Ленин, а не кто-нибудь иной. Этим трюком он приручал к себе будущих придворных и министров своего двора, обеспечивая полную с их стороны поддержку, а заодно и слежку за конкурентом из ЦК.

Прибыв в Петроград, Ленин притаился. Будто сам в себя спрятался. Общение с видными соратниками — через особо доверенных курьеров. Сам интересовался всем и всеми, но себя не показывал. И только в ночь накануне переворота „вождь", опять же втайне от ЦК, стремится проникнуть в Смольный. Ильич спешил к дележу власти. Он опасался, как бы соратнички впопыхах не обошли его стороною.

Покрыв бритую налысо голову старческим париком, замотав щеку грязной тряпкой, „вождь" двинулся в поход за троном. Настал его звездный час. Но час этот был изрядно подпорчен многими обстоятельствами. Во-первых, был риск попасться в руки солдат, верных Временному правительству. Поэтому „вождь" прокрадывался к власти аки тать в нощи. Во-вторых, путь его не был усеян лепестками роз и на голове вместо лаврового венка красовалась грязная тряпка. В-третьих, у „вождя" и его спутника были не настоящие, а поддельные пропуска в Смольный. В-четвертых, в Смольный „вождя" не пропускали и его попутчику пришлось, как он вспоминает, „по примеру карманников" — устроить свалку, воспользовавшись которой Ильичу удалось, наконец, проникнуть внутрь здания. В-пятых, первое время Ленин на всякий случай маскировался и в Смольном. Только досадная неувязка с париком, неожиданно соскочившим с лысины, выдала присутствие „вождя", что называется, с головой.

О последнем происшествии поведала нам нечаянная свидетельница конфуза Маргарита Фофанова, большевичка урожая семнадцатого года. „...Когда Ильич вошел 24 октября (6 ноября) в Смольный и в комнате 100

(кажется, я не ошибаюсь) стал раздеваться, то, снимая шляпу, снял и парик и вместе со шляпой засунул его в карман пальто, и когда с разных концов раздались голоса: „Ильич! Ильич!", он тогда только сообразил и пощупал свою голову, но было уже поздно. На этом и закончилась конспирация Ильича..." („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 446). Конспирация вождя революции в штабе революции? Странно.

Более подробно прибытие Ильича Первого в Смольный описывал первый личный телохранитель „вождя" Эйно Абрамович Рахья. Он же был единственным посторонним свидетелем образования первого большевистского правительства. Прорвавшись в Смольный, Ленин пристроился в сторонке, в конце длинного коридора и послал Рахью на розыски Сталина. Прибежал Сталин и „вожди" уединились в какой-то маленькой комнатке. Ленин выяснял обстановку. Вскоре, охраняемый ротой юнкеров, Зимний был взят, правительство арестовано, демагог Керенский снял штаны и в юбке отбыл под защиту звездно-полосатого флага. Бич судьбы оставил на теле России первый незаживаемый кровавый рубец. Ночь. Большевики созвали экстренное совещание, где объявили о захвате власти в свои руки, после чего удалились в нижний этаж.

В одной из комнат, укрывшись от посторонних взглядов, будущие правители приступили к дележу министерских портфелей. Единственным из присутствующих, оставшимся без руководящей должности, оказался личный телохранитель „вождя" Рахья, спасший несколькими часами ранее „бесценную" Ильичову жизнь. Дележ власти он описал следующим образом: „...Собрались кроме Владимира Ильича, т.т. Сталин, Ногин, Милюков и др., а следом за ними и я — во исполнение своих обязанностей охраняющего Владимира Ильича. Все расселись на стулья за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери, в уголочке, поджав колени к подбородку. Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как назы-

ваться: министры — это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название „комиссары", „народные комиссары". Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности. Все это время я сидел в углу и слушал. Мое дело было закончено и я оказался „безработным" („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 436).

Сами себя назначали, совсем как Маркс и Энгельс, в том же духе. Наутро из газет народ узнал о составе этого нового „народного" правительства.

О чем думал Эйно Абрамович, скорчившись у ног будущих господ? С 1936 года его об этом никто спросить не может. Каждый отхватил по жирному куску, а верный сторожевой пес не получил даже обглоданной кости. Обидно. Даже стула не нашлось. А ведь были стулья, были. Но на них лежали пальто новоявленных „слуг" народа. Рахья — хам, чернь, может и на полу посидеть. Господские пальто на пол не бросают.

Рассказ Эйно Рахьи дополним воспоминанием А. Луначарского, который входил в число первых самоназначившихся правителей России. „Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: — Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить". („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 467).

Согласно ленинскому изречению, современным государством может управлять каждая кухарка. Правда, ни в первом, ни в последующих советских правительствах места для кухарки так и не нашлось. И в этом расхождении слов и дел нет ничего удивительного. Власть делили не случайные люди. Власть делили господа.

8 ноября 1917 года Ленин праздновал свой триумф. Отныне он хозяин всей необъятной России. Кого хочу милую, кого хочу — „в расход!" Личная трусость властителя закономерно порождает комплекс жестокости. Как только ничтожество получает власть над людьми, оно сразу же пытается всех запугать. Любуясь своим величием, вчерашнее беззащитное трусливое существо, разражается грозными указаниями и приказами. Зимний дворец еще не был взят, а Ленин уже грозил расстрелами налево и направо.

Вот как описал нервное состояние „вождя" в ту самую черную в истории России ночь с 7-го на 8-е ноября один из руководителей большевистского путча Н. Подвойский: „Задержка во взятии Зимнего дворца чрезвычайно волновала В. И. Ленина и весь Смольный. Начиная с 11 часов утра и до 11 часов вечера Владимир Ильич буквально засыпал нас всех записками. Он писал, что мы разрушаем всякие планы; съезд открывается, а у нас еще не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Он грозил всех нас расстрелять за промедление. Он требовал, чтобы скорее был взят Зимний и арестованы министры, чтобы об этом доложить съезду Советов... Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятие Зимнего, не вышел на открытие съезда. Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев в клетке..." („Воспоминания о В. И. Ленине", 1969, т. 2, стр. 452). Герой! Грозился расстрелять всех своих сподвижников, членов ЦК. Власть еще в ладошках не держал, а уже оскалился.

Подобно Марксу, Ильич обожествлял силу и насилие. Ленин смеялся над теми, кто отстаивал идею мирного пути прихода к власти: „Где же видано, чтобы власть отдавали без бою, — говорил он, — власть всегда берется с бою. Она не передается от одного класса другому какими-нибудь декларациями, и никакие декларации эту власть не защитят" („Воспоминания о В. И. Ленине",

1969, т. 2, стр. 451—452). В данном случае слова Ленина не пустой звук, не очередной обманный трюк, а самая чистая правда. Об этом следует подумать тем, кто морочит голову советским рабам сказками об эффективности неорганизованного морального сопротивления.

В наше время не всякая власть берется силой, но советская власть на уговоры не посмотрит. Советское правительство играет судьбами моральных сопротивленцев подобно сытому коту, потешающемуся мечущейся между его лап мышкой. Коту приятен мышиный писк и беспомощность жертвы. Пока кот сыт, он может использовать мышь не как еду, а как игрушку, лениво позволяя самым резвым сбегать от него в спасительную норку. И как бы ни были безгрешны душки некоторых мышек, хищника им не одолеть. Одна-две мышки — коту забава. А легион мышей — розовая мечта молочного детства. Культивируя серую „толпу", диктаторы, сами себе на потеху, разводят инакоцветных лабораторных мышей разной степени резвости и упитанности.

Мощная, опытная, спаянная железной дисциплиной и умно организованная боевая подпольная политическая партия, свободно владеющая искусством *всех* видов борьбы в рамках нелегальной и полулегальной форм — вот что сокрушит тиранов. Пока военно-полицейская сила находится в руках деспотов, все декларации и заявления могут с успехом заменять „вождям" туалетную бумагу.

Чтобы мыши продолжали пищать и бегать, коты играют с ними не насмерть, так сказать, декларативно играют. То в Хельсинки поедут, то в Мадрид. Но коты ни на один миг не забывают, что мыши есть в то же время мясо, которым можно с выгодой торговать. К обоюдному счастью едоков и поедаемых, кошачий деликатес пользуется на западном рынке большим спросом, особенно в свежем виде. Игра в кошки-мышки продолжается, пока коты сыты. Но не успеет просигналить первый импульс голода, как игра кончается. Тогда мыши гибнут, а коты жиреют.

Хочется сказать господам „легалам" — перестаньте, пожалуйста, откармливать декларациями новых мышей к банкетному столу жиреющих на ваших жертвах врагов России. Займитесь, наконец, делом. А „Что делать?" — вопрос давно решенный. Клин клином вышибают. Вострите клинки, копите силы, учитесь рубить. И не любите себя в революции больше, чем революцию в себе. Революция — не парад голливудских звезд и не состязание античных краснобаев. Это тяжелейший, опасный, каторжный труд без надежды на сиюминутное вознаграждение или бурные овации седобородых политических недорослей. Хотите вы того или нет, власть придется брать с бою. „Где же видано, чтобы власть отдавали без бою?" — удивляются тираны. Неужели после этого кому-то не ясно, почему нужен бой, почему без боя не обойтись?

Борьба предстоит жестокая, увы, не без кровопролития и обоюдных жертв, поэтому теоретическим друзьям свободы не найдется места в атакующих цепях честных бойцов за счастье порабощенных народов России. Революция есть состязание в силе, бой. Вот, что такое революция, господа „легалы". Тираны уважают только силу. И боятся они освященной верой и разумом силы, а не призывов к отсутствующей у них совести. Надо учить людей делу, а не заниматься художественным оформлением истин, давно известных каждому трудовому человеку. Снимите, пожалуйста, импортные слюнявчики, перестаньте пускать мыльные пузыри.

На этом авторы пожелали завершить свой скромный труд, посвященный правдивому жизнеописанию и разоблачению темных идей и деяний недоброй памяти „отцов-основоположников" коммунистического рабства, имя которым — Энгельс-Маркс-Ленин.